

“КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ” КАК ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА БОРЬБЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ В XV ВЕКЕ

А. С. Дягилев

Уральский государственный университет

“Казанская история”, положившая, по сути, начало историографической традиции связывать падение на Руси ордынского ига с событиями вокруг “Стояния на Угре” в 1480 г., на деле демонстрирует своеобразное понимание характера взаимоотношений московского великого князя Ивана III Васильевича и сарайского хана Ахмата. В источнике имеется краткое обобщающее описание времен зависимости русских княжеств от Золотой Орды с правления Ярослава Всеволодовича Владимирского, который “обложился и нача... царю Батью... дани давати”. Двухвековое иго характеризуется как период, когда “державнии наши рустии... много лет выходы и оброки даваху царем в Золотую Орду, и повинующеся им, и приимаху власть от них вси, ни по колену, ни по роду... и как которого царь возлюбит”. Как видим, налицо перечень основных признаков вассально-сюзеренных отношений с их русско-ордынской спецификой: упомянуты и экономическая зависимость (выплата дани), и формально-юридическая (верховное право Джучидов распоряжаться столами своих “улусников”). Далее автор памятника утверждает о существовании “злогордой и великой власти варварской” над Русской землей “от бытыва времени по царство тоя Златыя Орды царя Ахмата... и по благочестивого великого князя Иоанна Васильевича Московского...”[1]. Тем не менее, в источнике не приводятся реальных фактов выражения этой “власти” (как в современном понимании наукой зависимости одного государства от другого, так и наличия указанных в самом памятнике признаков вассалитета) применительно к периоду второй половины XV века.

Сведения о характере московско-ордынских взаимоотношений содержатся в двух фрагментах “Казанской истории” (далее – КИ), более конкретно (по сравнению с вышеприведенным обобщающим отрывком) описывающих события правления Ивана III. Согласно первому из них, где речь идет о покорении Великого Новгорода, великий князь “восприят великое дерзновение”, “презре и преобиде прещение царя Ахмата”, “ста противу неистовства царева” и “послов от него не восхоте”. “И до конца отложи дани и оброки давати, ни сам во Орду приходити... поставления ради на великое княжение...”. Во втором фрагменте тот же конфликт (предшествующий “Стоянию на Угре”) описывается уже с момента восшествия на престол хана Ахмата (“восприим царство Златыя Орды по отце своем...”), который отправил к Ивану Васильевичу “послы своя по старому обычаю отец своих и с парсуною басмою просити дани и оброков на прошлая лета”. После чего следует известный (зачастую и справедливо критикуемый в историографии за недостоверность, но по-прежнему находящий место в учебной и популярной литературе) рассказ о “потоптании” басмы московским князем, “избиении” ханских послов, “гневе” Ахмата и военных действиях на Угре в 1480 г., гибели сарайского правителя и “конечном запустении Златыя Орды”. Примечательно, что Иван Васильевич именуется при этом “мнимым рабом” хана, а освобождение Русской земли от “ярма и покорения бусурманского” непосредственно связывается со смертью ордынских “царей”[2].

Споры историков XIX–XX веков вокруг принятия или непринятия нигде более не встречающихся фактов, приводимых летописцем, были подытожены в монографии Я. С. Лурье: “...Казанская история отражала уже новый этап в восприятии событий 1480 г. – легендарный”[3]. Имевшие место в действительности эпизоды русско-ордынских отношений (приход к власти в Сарае Ахмата, его попытки военно-дипломатического давления на московское правительство, рейды русских войск на территорию Орды и уничтожение “престольной державы” Джучидов) заняли, по крайней мере, треть века (с 60-х гг. XV века – до 1502 г.). Искусственное их соединение и отнесение автором памятника к концу 70-х гг. XV века является, скорее, литературным приемом. Как справедливо отметил А. А. Горский, в КИ “события московско-ордынских отношений при Иване III... не расчленены во времени, и освобождение от ига связывается с их совокупностью”[4]. Очевидно, также, что автор КИ не был хорошо знаком с генеалогией Ахмата “Кичиахматовича”, называя его сыном “Зелети-салтана” (т.е. Джелал-ад-Дина, правившего в Орде в начале XV века). Возможно, что в данном случае сказалась определенная летописная традиция, указывающая Джелал-ад-Дина как последнего “царя” Большой Орды[5].

Если отойти от издержек своеобразной подачи фактического и легендарного материала в источнике и сконцентрировать внимание на конкретном содержании в нем информации о наличии вассально-сюзеренных взаимоотношений между московским великим князем и ордынским ханом, становится очевидным, что Иван Васильевич изначально не признавал власти Ахмата и не выплачивал ему дань. В обоих фрагментах КИ речь идет лишь о попытках сарайского правителя навязать Ивану III свой

сюзеренитет, согласно “старому обычаю отец своих”. Не различаются действительно функционирующая система зависимости и притязания на ее воссоздание. Мы считаем, что автор памятника под “властью и царством” Орды применительно к временам княжения Ивана III понимает силу *традиции*, со времен Батыя “навечно” давшей ханам сюзеренные права над русскими князьями и которая могла быть прервана лишь при условии физического уничтожения “царей” и главного государства (т. н. “престольной державы”) Джучидов. Согласно КИ, Ахмад будто бы говорил на Угре: “Аще не возьму жива великого князя московского... то чему есть живу ми, и царская власть держать ми”[6]. То есть ношение высокого титула правителя Орды также ставится в прямую зависимость от подчинения русского “улуса”. Показательно, что один из первых российских историков (создатель “Скифской истории” (1692)) Андрей Лызлов в своем труде демонстрирует аналогичный взгляд на проблему падения ига: “Пребысть же сей наказательный бич... от лета... 6745 [1237]... до исчезновения сего последняго нечестиваго Ахмата, лет 269” (подразумевается смерть в литовском плену последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмада в 1506 г.)[7].

1. Казанская история. М.; Л., 1954. С. 45.

2. Там же. С. 55–57.

3. Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 189.

4. Горский А. А. О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды//Вопросы истории. 1997. №5. С. 32; *Его же*. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. С. 186.

5. ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 142; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–нач. XVIII в. М.: Наука, 1969. С. 374, 425, 432, 474–475.

6. Казанская история. С. 56.

7. Лызлов А. И. Скифская история. М.: Наука, 1990. С. 46–47.